

А что могло накопиться в ней в те годы, кроме непримиримости, помноженной на чувство абсолютной правоты? Его учили: кто не с нами, тот - против нас. Так он и строил свою жизнь, бескомпромиссно деля окружающее на свое и чужое.

Свое - версификация самых правильных в мире идей, рожденных вождями. Казалось, они-то и составляют реальность, которую силой искусства ему предстояло воспеть... Начал он с портретов Жюлио-Кюри, Петра Неньи, Ривера О'Хары, Пабло Неруды.

Иванова хвалили, выставляли, давали заказы. Успех был настолько шумным, что ошеломил художника и заставил его усомниться в своей правоте. В 1957 году, спустя три года после окончания института, живописец решил посвятить себя русскому народу и, отказавшись от портретов вождей, поехал на родину матери, в рязанскую деревню на берегу Оки. Снял комнатку в избе и стал выходить на художественную работу, как крестьянин в поле, с рассвета до темноты.

Героями его работ были русские крестьянки, вынесшие на своих плечах войну и подневольный клочковитый труд. Рассказывать об их жизни иным языком, кроме языка реализма сурового стиля, в котором преобладал темно-коричневый колорит, было нельзя. Эти работы вызвали у партийно-художественных критиков бешеное неприятие.

Однако обошлось без ссылок и отсидок. Более того: Иванов стал народным художником СССР, дважды получил Государственную премию и даже был избран секретарем Союза художников РСФСР, с помощью которого государство старалось держать искусство на коротком поводке. Свято веривший в принципы со-

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РФ Рос.место - 1996 - 25 апреля - с. 4. В лоскутке - целый мир

Одним из тех, кто выдвинут в этом году на соискание Государственной премии, стал народный художник СССР Виктор Иванов.

...С искусством он познакомился в стенгазете, нарисованной к празднику соседом по коммуналке. Его поразило, что в бумажном лоскутке можно уместить целый мир!

Виктор бегал в изостудию дома пионеров, попал в первый набор Суриковской художественной школы, окончил Суриковский институт... Ему предстояло понять, что такое искусство, и выбрать способ преобразить в него то, что накопилось в душе.

циального равенства, живописец считал, что его участие в работе союза позволит коллегам обрести свободу творчества. Ведь созданный в разгаре сталинизма союз обладал сетью раскиданных по самым живописным уголкам СССР домов творчества, в его ведении находились художественные мастерские, выставочные залы и закупочные комиссии.

Беда была только в том, что головка союза не разделяла миролюбивой позиции Конфуция: «Пусть растут разные цветы!» Борьба за утверждение лучших достижений русской реалистической школы автоматически предполагала, что все, выходящее за ее пределы, подлежит безоговорочному осуждению.

Иванов считал, что если художников не расстреливают, значит, свобода творчества уже наступила. То, что независимо от качества картину могли изругать или восхвалять, рекомендовать или снять, казалось ему естественным. Ссылки живописцев на свою несвободу такие, как он, считали прикрытием творческой несостоятельности. Им было не понять, почему многие талантливые художники, не желая встретить творческую гибель в тисках заданности, отвернулись тогда от реализма и перешли в лагерь крутого авангарда. Может быть, именно ортодоксальность Иванова и его коллег по союзу обусловила сегодняшний кризис русской реалистической школы.

Сам мэтр свою художническую

честность понимал по-другому - не брать чужого. Себе он сделал только одну послабку - стал ездить за рубеж, пытаясь увидеть и осмыслить мировое искусство, выработать собственное понимание объема, красок и построения композиций.

Музеи и выставочные залы Египта, Сирии, Румынии, Польши, Голландии, Франции, Италии, Мексики, Испании и Кубы одарили его пониманием того, что художник должен попытаться выразить пространство, в котором живет, цвета природы, ее объемы и формы, психологию, социальный склад живущего в них человека. Увлеченный этой задачей, он не заметил, что даже ландшафты, не говоря о человеке, сильно меняются на протяжении жизни одного только поколения.

Ограниченность, возведенная художником в ранг абсолютной системы, не дала ему возможности по-новому переосмыслить прошлое. Непонятые и непринятые им реформы привели к тому, что центром сегодняшнего творчества Иванова стало воспевание похорон.

«Похороны в Исадах», сюжет, выполненный ярко, убедительно и талантливо, был задуман им 20 лет назад. Тогда художник считал, что в деревенской жизни есть и более актуальные темы, и эту работу не завершил. Ныне, когда в исадскую среднюю школу, в которую раньше ежегодно приходило около ста новых учеников, а сегодня приходят 2 - 3, похороны показались ему символом нашей жизни. В последние годы на кладбище положили 600 сельчан, многие из которых при жизни были героями его картин.

...Настоящее искусство невозможно запрограммировать. Оно живет на холсте само, помимо воли автора. Картины Иванова оказались честнее и глубже, чем он. Однообразные, лишенные индивидуального выражения лица, отмеченные отпечатком неподъемного труда и неумеренного алкоголизма. Одутловатые тела, похожие на бетонные отливки. Социализм довел героев Иванова до полной утраты внутреннего мира. У них не осталось других желаний, кроме как превратить свои похороны в красивое, значимое действо.

С чувством бесконечного уважения к прошлому русской деревни Иванов сумел запечатлеть одну страчку из жизни нашего общества, полно и совершенно выразить то, что думал, чувствовал, видел и понимал. Это не так уж мало...

Андрей ЛОТОВ.

На снимке: В.Иванов. «Похороны в Исадах».